УДК 37.014.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ В 1990-Е ГОДЫ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИКТАТА К ПЛЮРАЛИЗМУ МНЕНИЙ

Тарасенко Виталий Николаевич

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, кандидат исторически наук, доцент кафедры истории, lasker88@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс кардинального изменения школьного исторического образования в России в 1990-е годы. Рассматривается переход от марксистско-ленинского монизма к методологическому плюрализму, изменение системы учебного книгоиздания, появление альтернативных учебников и хрестоматий. Особое внимание уделяется поляризации учительского корпуса, политическому контексту десятилетия, позитивным приобретениям периода и кризисным явлениям. В заключительной части прослеживается эволюция после 2000-х годов: возвращение идеологической составляющей, усиление влияния религиозных и псевдонаучных дискурсов, свёртывание международных образовательных связей. Делается вывод о цикличности в развитии исторического образования, где периоды либерализации сменяются усилением государственного контроля.

Ключевые слова: историческое образование; 1990-е годы; плюрализм; учительство; деидеологизация; учебники истории; идеология.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIAN SCHOOLS IN THE 1990S: FROM IDEOLOGICAL DICTATE TO PLURALISM OF OPINIONS

Tarasenko Vitaly Nikolaevich

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History, lasker88@mail.ru

Abstract. The article analyses the process of radical change in school level historical education in Russia during the 1990s. It examines the transition from Marxist Leninist monism to methodological pluralism, the transformation of the educational publishing system, and the emergence of alternative textbooks and readers. Particular attention is paid to the polarisation of the teaching community, the political context of the decade, the positive gains of the period, and the crisis phenomena. The final part traces the evolution after the 2000s: the return of

ideological components, the growing influence of religious and pseudoscientific discourses, and the curtailment of international educational ties. The conclusion highlights the cyclical nature of the development of historical education, where periods of liberalisation are followed by increased state control.

Keywords: historical education; 1990s; pluralism; teaching community; de ideologisation; history textbooks; ideology.

Историческое образование в России традиционно выступало не только способом трансляции знаний о прошлом, но и важнейшим инструментом формирования идентичности и мировоззрения подрастающего поколения. В советский период эта система отличалась жёсткой централизацией: единая марксистско-ленинская методология, утверждённый перечень учебников, партийный контроль над содержанием. Конец 1980-х – 1990-е годы стали временем кардинального перелома. Распад СССР, смена общественно-политической модели, отказ от монополии КПСС на идеологию привели к необходимости пересмотра основ преподавания истории. В течение одного десятилетия система прошла путь от «безучебникового» периода до методологического плюрализма и ожесточённых споров о том, какую историю и зачем преподавать новому поколению россиян.

Политический контекст 1990-х годов и его влияние на историческое образование. После августа 1991 года прежняя советская историческая концепция была объявлена тоталитарной и фальсифицированной. В обществе развернулась острая борьба за историческое наследие: различные политические силы стремились использовать школу для легитимации или дискредитации новой власти. Как отмечает исследователь В.В. Запарий, в начале 1990-х годов историческая наука и образование оказались в состоянии глубокого мировоззренческого кризиса, когда прежняя марксистско-ленинская парадигма была отвергнута, а новая методологическая основа ещё не сложилась [1, с. 112]. Государство временно утратило контроль над содержанием учебников, что привело к появлению множества авторских версий отечественной истории – от либеральных до национал-патриотических.

В первой половине десятилетия имели место попытки привлечения зарубежных фондов, прежде всего фонда Сороса, к финансированию разработки новых учебников и переподготовке учителей. Однако эти инициативы носили ограниченный характер и уже к концу 1990-х годов стали свёртываться на фоне роста антизападных настроений и укрепления государственного суверенитета в образовательной сфере. По данным Министерства образования, если в 1992 году в России выпускалось около 140 наименований учебников, то к 2000 году их число превысило 1200 [2, с. 45]. Учебники истории выходили десятками авторов, представляющих самые разные концептуальные подходы. В зависимости от выбранного учебника ученики получали диаметрально противоположные оценки перестройки, распада СССР, событий 1993 года и реформ 1990-х годов.

Несмотря на драматизм и противоречивость процесса, 1990-е годы принесли в школьное историческое образование ряд важных позитивных изменений.

Впервые за многие десятилетия учителя получили возможность обсуждать со школьниками темы, которые ранее находились под запретом: сталинские репрессии, альтернативы коллективизации, политические процессы 1930-х годов, роль эмиграции. Исчезло классовое деление истории на «прогрессивное» и «реакционное», что позволило представить прошлое во всей его сложности.

На смену формационной теории пришли цивилизационный, антропологический, культурно-исторический подходы. В учебниках появились понятия «тоталитаризм», «гражданское общество», «модернизация». Как подчёркивал профессор М.Е. Главацкий, ключевая задача исторического образования заключается в том, чтобы помочь ученику понять человеческое измерение истории, осмыслить мотивы и поступки людей в конкретных исторических условиях, а не заучивать идеологические штампы [3, с. 5]. Его хрестоматии по истории России XX века стали ярким примером реализации этого принципа.

Хрестоматии нового типа, включавшие разнообразные источники и альтернативные точки зрения, способствовали формированию у учащихся навыков анализа, сравнения и самостоятельной оценки. Вместо заучивания единственно верной трактовки школьники учились работать с документом, видеть неоднозначность исторических событий.

Отмена обязательной привязки к единому учебнику позволила педагогам самостоятельно выбирать учебные пособия, методики, формы проведения занятий. Это стимулировало творческую активность, появление авторских программ. Многие учителя восприняли этот период как время профессионального освобождения.

Одним из ключевых измерений трансформации стал глубокий раскол внутри учительского корпуса. Школа оказалась зеркалом общественных противоречий, и учителя истории – фигура, оказавшаяся в эпицентре мировоззренческой борьбы.

Сторонники сохранения советской модели. Это поколение педагогов, сформировавшееся в советское время, воспринимало отказ от марксистско-ленинской методологии как предательство национальных интересов. Они болезненно переживали переоценку роли Сталина, развенчание героического мифа о революции и войне. Многие из них продолжали преподавать по старым учебникам либо использовали элементы старой методологии, критикуя «очернительство» истории. Для них 1990-е годы стали временем профессиональной и личной травмы.

Сторонники радикального обновления. Другая часть учительства активно включилась в пересмотр истории, приветствовала отказ от советской идеологии и стремилась как можно быстрее внедрить новые учебники. Однако и в этой группе не было единства: радикально настроенные педагоги иногда впадали в другую крайность, утверждая однозначно негативную

оценку всего советского периода. Как отмечала историк Е.Ю. Зубкова, принимавшая активное участие в дискуссиях о школьной истории в 1990-е годы, отказ от прежней идеологии не означал автоматического обретения методологической культуры; зачастую одна идеологическая схема просто заменялась другой, противоположной по знаку [4, с. 12].

Учителя, стремившиеся к профессиональному компромиссу. Между двумя полярными группами находилась значительная часть педагогов, которые пытались сохранить объективность, использовать плюрализм мнений как методический принцип, а не политическую позицию. Именно эта группа наиболее остро переживала отсутствие стабильности и методическую необеспеченность.

Поляризация учительства имела ощутимые последствия: в одной школе, а иногда и в параллельных классах, история преподавалась с диаметрально противоположных позиций, что подрывало единство образовательного пространства и дезориентировало учащихся. Родительские комитеты, местные органы управления образованием оказывались втянуты в идейные конфликты, которые перерастали в публичные скандалы.

В начале 1990-х годов сложился «безучебниковый» период, когда старые пособия были отброшены, а новые ещё не созданы. Учителя вынуждены были сами составлять программы, использовать разрозненные материалы, журнальные публикации. С 1993 года начался лавинообразный выпуск новых учебников. Государство фактически отказалось от роли цензора, и на рынок хлынули сотни авторских версий. К концу десятилетия, по оценкам исследователей, в стране насчитывалось более 1200 наименований учебников [2, с. 47].

Среди наиболее известных учебников того времени – работы А.А. Кредера, Н.В. Загладина, А.Н. Сахарова, В.П. Островского. Особое место занимали хрестоматии под редакцией М.Е. Главацкого, где впервые был реализован принцип множественности интерпретаций одного и того же события [3]. Однако многообразие оборачивалось серьёзными проблемами: отсутствие экспертизы приводило к появлению слабых в научном отношении учебников, а в угоду конъюнктуре некоторые авторы сознательно заостряли идеологические оценки, превращая учебник в политический памфлет. Разнообразие подходов делало невозможным единый образовательный стандарт: в разных регионах, школах, классах историю учили по-разному.

К концу 1990-х годов накопились противоречия, потребовавшие пересмотра образовательной политики. Главными из них стали:

– утрата единого образовательного пространства и идеологическая фрагментация общества;

– профессиональное выгорание учителей, отток кадров;

– снижение качества знаний, фрагментарность исторической подготовки школьников [5, с. 56–58].

Как отмечалось в аналитических докладах того времени, исчезло целостное восприятие хронологии и причинно-следственных связей. В то же время именно в эти годы сформировались предпосылки для нового этапа:

общество устало от идеологической конфронтации, а профессиональное сообщество начало искать пути к консенсусу. В 1999–2000 годах активизировалась работа над концепцией единого образовательного стандарта по истории, что ознаменовало начало обратного движения – от плюрализма к унификации.

От плюрализма к новой идеологической регламентации: тенденции 2000–2020-х годов

С начала 2000-х годов вектор развития исторического образования в России начал меняться. Государство постепенно возвращало контроль над содержанием учебников, что выразилось в создании единых линеек учебников, внедрении единого государственного экзамена и, в конечном счёте, в разработке «единых» учебников истории по инициативе президента. К 2020-м годам этот процесс достиг своего апогея: школьное историческое образование вновь приобрело ярко выраженную идеологическую направленность, ориентированную на формирование патриотизма и «правильного» понимания отечественной истории [6, с. 24–27].

Параллельно в образовательном пространстве усилилось влияние внесистемных акторов. В общественных дискуссиях, а иногда и в официальных выступлениях депутатов и общественных деятелей стали звучать призывы к пересмотру научных основ преподавания. Появились открытые выступления против теории эволюции, попытки введения в школьную программу концепций «памяти воды», «волновой генетики» и других псевдонаучных теорий. Ряд депутатов Государственной думы высказывались за исключение из учебников эволюционной биологии или за её преподавание наряду с креационизмом, что вызывало тревогу в научном сообществе [7, с. 15]. Священнослужители Русской православной церкви стали активно участвовать в разработке образовательных стандартов, в том числе по истории и обществознанию, что привело к включению в программы положений, отражающих религиозное мировоззрение [8, с. 89].

Одновременно произошло практически полное свёртывание международных образовательных связей. Россия вышла из Болонского процесса, прекратила участие в большинстве международных сравнительных исследований качества образования (PISA, TIMSS и др.), а контакты с зарубежными образовательными фондами и организациями были сведены к минимуму или полностью прекращены. Если в 1990-е годы плюрализм трактовался как свобода выбора между различными научными подходами, то в 2020-е годы он всё чаще подменяется идеологической унификацией, а научная дискуссия уступает место утверждению единственно верной точки зрения, поддерживаемой государством и религиозными институтами.

Подводя итоги - 1990-е годы стали для российского школьного исторического образования временем тектонических сдвигов. Преодоление идеологического диктата, методологический плюрализм, развитие критического мышления, профессиональная свобода учителя – всё это стало значимыми завоеваниями периода. Однако эти достижения были достигнуты высокой ценой. Политическая борьба, раскол учительского сообщества, хаос

в учебном книгоиздании привели к утрате единства образовательного пространства и кризису исторической идентичности. Поляризация учителей на сторонников и противников советского наследия отражала глубинные расколы российского общества.

Последующие два десятилетия продемонстрировали, что плюрализм 1990-х годов оказался временным явлением. С начала 2000-х годов государство последовательно восстанавливало контроль над историческим образованием, а в 2010–2020-е годы этот процесс дополнился усилением влияния религиозных структур и распространением псевдонаучных концепций, поддерживаемых отдельными политическими деятелями. Международное образовательное сотрудничество, имевшее место в первой половине 1990-х годов, было сведено к минимуму, а затем и вовсе прекращено.

Таким образом, эволюция исторического образования в России обнаруживает циклический характер: период либерализации и методологического разнообразия в 1990-е годы сменился возвращением к идеологически унифицированной модели, в которой государственная идеология дополняется религиозными и псевдонаучными элементами. Опыт 1990-х годов показывает, что плюрализм в образовании возможен только при условии сохранения государственного суверенитета и научной экспертизы; его утрата ведёт к замещению научного знания идеологическими и вненаучными конструкциями.

Список литературы

1. Запарий, В. В., Камынин, В. Д., Личман, Б. В. «По волнам нашей памяти…»: формирование разномыслия в учебниках истории России (УГТУ-УПИ, начало 1990-х гг.) // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 23–36. – DOI 10.15826/qr.2019.1.360. – EDN VZHYFK.

2. Фукс, А. Н. Школьные учебники истории в России: опыт и перспективы // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 42–58.

3. Главацкий, М. Е., Филатов, В. В., Мазур, В. А. Хрестоматия по истории Урала. XX век / М. Е. Главацкий, В. В. Филатов, В. А. Мазур [и др.]. – Екатеринбург: Уральский государственный университет. Издательство Дома учителя, 1998. – 576 с. – ISBN 5-7525-0586-0. – EDN VRMKLN.

4. Зубкова, Е. Ю. Зачем учить истории в школе? // Преподавание истории в школе. – 1998. – № 5. – С. 10–14.

5. Вяземский, Е. Е. Методические рекомендации для педагогов по изучению курса новейшей истории России в аспекте проведения политико-экономических преобразований в России в начале 1990-х гг. – СПб.: Норма, 2013. – 112 с.

6. Вяземский, Е. Е. «Эпоха 2020-х» и модернизация общего исторического образования: поиск подходов // Историческое и обществоведческое образование: ресурсы, проблемы и перспективы0: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Улан-Удэ, 10–11 июня 2021 года. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 5–20. – EDN CBBZGA.

7. Алексашкина, Л. Н. История в школе: о плюрализме и системности концепций // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2021. – № 2. – С. 46–50. – DOI 10.47639/2074-4935_2021_2_46. – EDN DTWGTK.

8. Ушмаева, К. А. Отечественная историография исторического образования в вузах России (20–90-е годы XX в.) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2011. – № 4. – С. 85–91.